

**SOVIET IDEOLOGY
IN THE MADRASA:
POLITICAL CONTEXTS
AND EDUCATIONAL PRACTICE**

Zilola Khalilova

zilola_kesh@mail.ru

Bakhtiyar Babadjanov

bbmir@yandex.ru

Zilola Khalilova

Junior Research Fellow at the Institute of History at the National University named after Mirzo Ulugbek

Bakhtiyar Babadjanov

Dr. habil. in History, Leading Research Fellow at the Center of Oriental Manuscripts of the Tashkent State Institute of Oriental Studies

In 1946, under the Spiritual Board of the Muslims of Central Asia and Kazakhstan, the Miri Arab (Bukhara) and later Barakhan Madrasas (1956-1961, Tashkent) were opened. In 1971, the Higher Institute / Oliy Ma'had was opened at SADUM. Both madrasas became the most popular Muslim educational institutions, in which many eminent theologians of the former USSR were trained. However, like any institution created by decree and under control of authorities, madrasas were not free from the direct and indirect influence of political, ideological, general educational and other institutions of Soviet power, which sometimes gave rise to unusual eclecticism in the language, thinking or norms of behavior of students of these educational institutions, especially generations of the 1970s – 1980s. In this article, on the basis of archival materials, we research the forms of control over the activities of madrassas, changes in training programs, motivation of initiators of changes in curricula, the extent to which state control agencies invade this process, consider attempts to form a special type of loyal “Soviet Imam” with a new way of thinking, a new dress code, in which the tie was supposed to symbolize the compromise with secular authorities, a complete retirement from the “old world”, and therefore, the old ways of teaching.

Keywords: *Miri Arab Madrasa, Higher Islamic Institute, training programs, foreign internships, protagonists of Soviet Islam.*

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В МЕДРЕСЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ И УЧЕБНАЯ ПРАКТИКА

Зилола Халилова
zilola_kesh@mail.ru

Бахтияр Бабаджанов
bbmir@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.07.2.02>

В 1946 году при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана открылись медресе Мири Араб (Бухара) и позже Баракхан (1956-1961, Ташкент). В 1971 г. открыт Высший Институт / Олий ма'хад при САДУМ. Оба медресе стали самыми востребованными мусульманскими учебными заведениями, в которых обучались многие именитые богословы бывшего СССР¹. Однако, как любое учреждение, созданное декретом и под контролем властей, медресе не были свободны от прямого и косвенного влияния политических, идеологических, общеобразовательных и иных учреждений советской власти, что порождало иногда необычную

**Зилола
Эрниновна
Халилова**

Младший научный сотрудник Института Истории при Национальном Университете имени Мирзо Улугбека

**Бахтияр
Мираимович
Бабаджанов**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей при Ташкентском государственном институте востоковедения.

эклетику в языке, мышлении или нормах поведения студентов этих учебных заведений, особенно поколений 1970-х — 1980-х гг. В настоящей статье на основе архивных материалов мы исследуем формы контроля органов за деятельностью медресе, изменения в программах обучения, мотивации инициаторов перемен в учебных программах, степень вторжения в этот процесс государственных органов контроля, рассмотрим попытки сформировать особый тип лояльного «советского имама» с новым мышлением, новым дресс-кодом, в котором галстук должен был символизировать соглашательство с секулярными властями, полное отрешение от «старого мира», а значит, и старых способов обучения.

Ключевые слова: Медресе Мири Араб, Высший исламский институт, программы обучения, зарубежные стажировки, протагонисты советского ислама.

История исламского религиозного образования в советский период особенно активно обсуждается в последние пару десятков лет. В частности, особенности и проблемы легального и нелегального способов религиозного обучения в Средней Азии стали предметом исследований ряда специалистов². Однако влияние советских форм образования, пропаганды и идеологии на нормы поведения и имидж студентов, изменения общественной этики остаются вне внимания специалистов.

В этой статье мы постараемся отчасти восполнить эти пробелы, имея в виду феноменальность самого явления — создание и функционирование учебного религиозного заве-

1. См. их перечень и краткие биографии в объемном справочнике: Йўлдашхўжаев, Каюмова (2015).

2. Подробнее см.: Babadžanov, Kamilov (2001); Бабаджанов (2006); Бабаджанов, Муминов, Олкотт (2004); Muminov, Gafurov, Shigabdinov (2010); Гафуров (2002); Tasar (2016).

дения внутри ткани ориентированного на атеизм советского общества при постоянном росте числа желающих поступить в духовное училище, несмотря на неприязненное отношение властей к религии. Напоминаем, что атеистическая политика государства налагала на подобные учреждения особые обязательства, учитывая их отчуждение с точки зрения официальной идеологической машины, которая, тем не менее, старалась если не поглотить («переварить»), то приспособить к себе этот «чуждый элемент», как часто называли такого рода явления в партийных документах. Мы постарались исследовать особенности функционирования упомянутых медресе, в частности — как менялся и адаптировался образ советского ислама, который множеством видимых и невидимых нитей был связан с особенностями политической или общественной жизни окружающего общества. Само же общество было отнюдь не гомогенным. В нем в той или иной форме утвердилось множество лекал советской образовательной системы, тотальной пропаганды и идеологических штампов. Хотя другой парадокс эпохи состоял в том, что и религия находила себе место в сложной мозаике личной и общественной этики основного числа советских людей.

Мы также рассмотрим другой феномен религиозного обучения советского времени — стажировки выпускников в зарубежных религиозно-учебных центрах. Именно эти стажировки становились самым серьезным идеологическим и даже психологическим испытанием для студентов, неожиданно для себя оказавшихся «между двух миров», хотя, согласно ряду официальных собеседований перед командировками, на них возлагалась серьезная миссия — представить в мусульманском мире позитивные качества советского режима, в частности терпимого отношения властей к исламу и религии в целом.

Использованные в этой статье источники в основном сосредоточены в фонде Уполномоченного Совета по делам религий ЦГА РУз, в архиве Управления мусульман Узбекистана и в частных архивах. Также мы опирались на беседы, проведенные с бывшими выпускниками и преподавателями медресе, в особенности с теми, кто успел поучиться в зарубежных учебных центрах.

МЕДРЕСЕ МЕЖДУ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ

Разрешение на создание Духовных управлений мусульман в разных регионах бывшего СССР (равно как и похожих структур других конфессий) закрепляло легальный статус религии в обществе и означало легитимацию ее места в социальном поле. Это было платой за лояльность и готовность к компромиссам, нередко в ущерб очевидным предписаниям³.

Современные исследователи по-разному толкуют послабления в отношении к религии в ходе Второй мировой войны со стороны советского правительства и лично И.В. Сталина. Эти толкования в основном сводятся к следующим аргументам:

1. Власти пытались отплатить «клерикалам» всех конфессий за лояльность и неприятие фашизма⁴. Это выражалось, например, в том, что 15 мая 1942 г. было принято «Обращение представителей мусульманского духовенства к верующим по поводу немецко-фашистской агрессии». Его подписала группа мусульманских духовных лиц (в том числе из Средней Азии) во главе с муфтием Центрального духовного управления

3. Самый показательный пример — серия фетв САДУМ по вопросу необязательности платы закята, Ложный ишанизм и мюридизм против шариата (1952 г.). См.: Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз), фонд Р-2456. Уполномоченный Совета по делам религиозных конфессий (позже — «... по делам религий») при Совете Министров СССР по Узбекской ССР 1944-1990 гг., оп. 1, д. 143, лл. 12-13).

4. Или, как сформулировал В.А. Ахмадулин, «патриотическая позиция уммы» (Ахмадулин, 2008).

Абдумалик ибн Абдулрахман и Мухамедсолих ибн Партии — учащиеся 4-го курса Бухарского духовного училища готовятся к занятиям в общежитии. 1955 год, Бухара

мусульман (ЦДУМ) Г. Расулевым⁵. Мусульманское духовенство совершенно добровольно участвовало в сборе средств в помощь действующей армии (покупка вооружения, медицинского оборудования, медикаментов и др.). В ответ были даны разрешения на основании и ряда Духовных управлений: Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК) и Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана.

2. Необходимость (в рамках проводившихся конференций в Тегеране и Ялте) считаться с требованиями союзников, в том или ином виде поднимавших вопрос о реальном воплощении свободы совести в СССР.
3. Желание политической элиты страны использовать «исламский фактор» как противовес таким же попыткам военного командования фашистской Германии использовать мусульман в борьбе против СССР⁶.

Как бы там ни было, правительство не ограничилось открытием Духовных управлений. Согласно распоряжению Совета народных комиссаров/СНК (№ Р4808-р от 10 октября 1945 г.), было разрешено открыть два религиозных медресе в Бухаре и Ташкенте. Позднее, согласно приказу СНК УзССР от 29 ноября того же года, для этих медресе были определены здания: для медресе Баракхан — в Октябрьском районе города Ташкента, для медресе Мири Араб — в городе Бухаре. Срок обучения в них был поначалу определен в 9 лет, общий контингент должен был составить 90 человек⁷. Впоследствии, согласно новому приказу СНК СССР (№ 12800-р от 15 августа 1949 г.), открытие религиозного учреждения в Ташкенте было отменено, а число поступающих в Мири Араб ограничено 30 студентами (еще через десяток лет это число было

5. См. также: Одинцов (2005, 246-249).

6. Кроме упомянутых в предыдущих сносках работ см.: Ro'i (2000); DeWeese (2002); Rasanayagam (2011) и др.

7. ЦГА РУз. Р-2456, оп. 1, д. 136, лл. 8-9.

ограничено 15 студентами на курс⁸), а срок обучения сократился до шести и затем до пяти лет⁹. Нам не удалось установить причин изменения первоначального решения, однако можно предположить, что в правительстве нашлись люди, которые внушили инициаторам упомянутого решения, что с количеством медресе и числом учащихся в них несколько погорячились, ибо сама система не могла допустить официально разрешенную регенерацию своих идеологических противников и постоянную редукцию религиозных знаний.

На должность первого директора медресе Мири Араб был назначен казий Баширхан Тура Исхаков (с конца 1946 — казий Таджикистана)¹⁰. Первыми преподавателями медресе были Акбархон Мухиддинов (второй директор медресе с начала 1946 г.), Абдулхамид Максум (назначен в 1947 г.), Муминов Шахабудинов-кари (директор в 1951-1952 гг.), Гуломджон Изоми (заместитель директора), Исмаил Саттиев (директор в 1952 г.) из Намангана, Акбархан Ходжиев из Ташкента, Абдурахим Рафиков из Бухары и другие¹¹. Первоначально в медресе было принято 30 студентов.

С момента расширения международных связей бывшего СССР, при очевидном противостоянии двух идеологических систем, отношение к религии и религиозным учреждениям всегда оставалось уязвимой стороной властей, особенно на дипломатических площадках. Хорошо известно, что власти пытались переиграть самих себя и, как будет показано ниже, старались использовать религиозные учреждения в своей внешней политике, в которой особое отношение к религии серьезно подрывало имидж «свободной страны». В этом контексте постепенные послабления в отношении религии и деятельности религиозных учреждений, очевидно, рассматривались как попытка предупредить дипломатическую уязвимость атеистического государства. Хотя на деле это иногда выглядело как компенсация за навязанную мусульманским народам секулярность и атеизм, возведенные в ранг идеологии.

Однако при всех декларативных заявлениях в духе ленинского понимания атеизма политическая элита, естественно, сохраняла трезвое, рациональное и терпимое отношение к религии во внешней политике даже в годы господства воинствующего атеизма. Кажется, самым известным случаем стала ремарка И.В. Сталина в беседе с руководителем Албании Э. Ходжой по поводу оценки выступлений югославских националистов в Албании. Советский вождь предложил характеризовать их не как «антисоветские» и «антиалбанские», а как «противомусульманские»¹². Можно напомнить и о попытках построить обширный альянс с арабским миром, который побуждал советское правительство к публичной декларации религиозных свобод, что тоже позитивно отразилось на статусе мусульман в стране¹³.

8. Отчетный доклад об итогах учебной работы Ташкентского духовного училища Баракхан. 1957-1958 гг., Отчет духовного училища медресе Мир Араб при САДУМ за 1968-1969 гг. ЦГА РУз. P-2456, оп. 1, д. 318, лл. 62-63; P-2456, оп. 1, д. 292, л. 76; P-2456, оп. 1, д. 292, л. 64; P-2456, оп. 1, д. 232, л. 20; P-2456, оп. 1, д. 500, л. 120.; Справка о ходе работы в Высшей Духовной Школе P-2456, оп. 1, д. 528, л. 14. Как рассказывали бывшие преподаватели и выпускники Мири Араб, путем бюрократических или иных ухищрений фактически удавалось набирать 25-30 и более студентов на один поток (курс). Например, в практику был введен так называемый «дополнительный список», включавший тех абитуриентов, кто проходил по конкурсу и выдерживал экзамены.

9. Судя по нашим документам, в 1946 г. в медресе Мири Араб начали учиться 30 студентов. В 1946-1950 гг. общее количество студентов достигло 150 человек, в 1956 г. — 85 человек, а в 1957-1958 гг. — 110 человек. В дальнейшем их количество по документам составляло от 50 и до 70 студентов. Ташкентский исламский институт начал первый учебный год с 20 студентами, в 1980-е годы там обучалось 30 человек. Рост студентов в обоих учреждениях наблюдается в период с 1986 и до самого развала СССР. См. документы: ЦГА РУз. P-2456, оп. 1, д. 564, л. 28; P-2456, оп. 1, д. 232, л. 20; P-2456, оп. 1, д. 500, л. 120; P-2456, оп. 1, д. 320, л. 126; P-2456, оп. 1, д. 336, л. 1; P-2456, оп. 1, д. 292, л. 64; P-2456, оп. 1, д. 231, л. 30; P-2456, оп. 1, д. 231, л. 60; P-2456, оп. 1, д. 528, л. 14.

10. Краткая история медресе Баракхан в Ташкенте и Мир Араб в Бухаре при духовном Управлении мусульман Средней Азии и Казахстана. ЦГА РУз. P-2456, оп. 1, д. 500, л. 43. См. также: Йўлдашхўжаев, Каюмова (2015, 52, 117-118).

11. ЦГА РУз. P-2456, оп. 1, д. 500, лл. 44-45. Йўлдашхўжаев, Каюмова (2015, 118-119).

12. См.: Смирнова (2003). Не случайно, что делегация албанских мусульман еще в 1948 году была принята в САДУМ во главе с Ишаном Бабаханом. См.: Бобохонов (2001, 44).

13. См. об этом: Islam: Im Hinterzimmer. (1979, № 6).

В таких условиях трудно было ожидать, что Духовные управления и созданные при них учебные заведения останутся «вне игры», в том числе и в качестве необходимой декорации в причудливо выстроенной игре властей на международных площадках, призванной показать лояльность к религии.

Эти и похожие обстоятельства, так или иначе, отражались на функционировании названных мусульманских учреждений и учебных заведений. Последние становятся неизменным объектом «политического туризма», подчиняя внешний облик (прежде всего, одежду), программы и учебное расписание студентов двум простым задачам: 1) доказать что свобода религии и религиозного обучения в бывших мусульманских регионах СССР реально существует; 2) на конкретном примере продемонстрировать, что разительные перемены в образе жизни советских людей отразились на облике и образовании молодого советского мусульманина, не видевшего противоречий между религией и социализмом.

За период с начала 1950-х гг. и до 1990 г. медресе Мири Араб и Высший исламский институт в Ташкенте¹⁴ посетили буквально сотни именитых политиков мира не только из мусульманских стран. Отчеты некоторых таких делегаций сохранились в архивах¹⁵, о других сторонах этих стажировок мы узнали из интервью с бывшими учащимися медресе, в первую очередь с теми, кто стажировался в исламских учебных заведениях арабского мира.

Правила в этой игре на позитивный международный имидж, естественно, диктовали государственные органы контроля. Однако во время визитов разных международных делегаций, посещавших СССР, сотрудники САДУМ или его учебные подразделения отчасти были автономны, поскольку они обязаны были продемонстрировать свободу религии, равно как и не существовавшую «свободу слова». Со временем муфтии и администрация САДУМ научились извлекать из негласных правил таких международных контактов свои дивиденды, несмотря на массу устных инструкций с ограничениями¹⁶. В качестве одного из показательных примеров мы можем привести случаи самостоятельной переписки муфтия САДУМ Зийа ад-дина Бабаханова (1957-1982) с главами мусульманских учебных и богословских центров с просьбой принять на стажировку студентов из СССР. Как правило, муфтий получал позитивные ответы своих именитых в исламском мире респондентов и сразу же отправлял переводы своей переписки в Совет по религиозным культам в Москве. Несмотря на то, что чаще всего копии таких писем возвращались с пометкой председателя Совета в Москве «нецелесообразно»¹⁷, это был тот случай, когда количество перерастало в качество.

14. Постановление об открытии было издано в 1969 году, однако открытие состоялось два года спустя. См.: Йўлдашхўжаев, Каюмова (2015, 51-52).

15. Справка о визите Иорданской мусульманской делегации во главе с ректором Амманского университета Абдусалом Маджалли 17-22 апреля 1983 г. (ЦГА РУз. Р-2456, оп. 1, д. 672, л. 12); Справка о посещении делегации австралийских журналистов 13 октября 1955 г. (ЦГА РУз. Р-2456, оп. 1, д. 174, л. 66); Справка о посещении директора института Азии в Пакистане Анвархана 6 июля 1982 г. (ЦГА РУз. Р-2456, оп. 1, д. 652, л. 132) и многие другие.

16. Как нам рассказывали некоторые старейшие работники САДУМ, письменные инструкции с правилами поведения и кругом разрешенных тем для общения с представителями иностранных делегаций были составлены в Комитете по делам религиозных конфессий при Совете Министров. Однако они давались высшей администрации только для ознакомления, под подпись, и не передавались в руки во избежание огласки. Хотя ни одна инструкция не могла предсказать возможный круг «неудобных вопросов», что требовало от сотрудников САДУМ предельного напряжения и готовности импровизировать.

17. Самый показательный пример — письмо Зийа ад-дина Бабаханова на имя короля и премьер-министра КСА Фейсала ибн Абд ал-Азиза с просьбой разрешить отправку студентов в Саудовскую Аравию для обучения со ссылкой на прежнюю устную договоренность во время хаджа. См.: ЦГА РУз, Ф-2456, оп. 1, д. 433, с. 156-157. Председатель Совета по религиозным культам в Москве А. Пузин счел нежелательным отправку этого письма в КСА (там же, с. 158). Объяснение этому едва ли нужно искать в несовпадении конфессиональных традиций (поскольку в КСА официальной идеологией и конфессией был ваххабизм). Причина, скорее всего, в том, что Саудовская Аравия не была перспективным партнером в Ближневосточной политике бывшего СССР. Тем более что к этому времени между двумя странами не было дипломатических отношений.

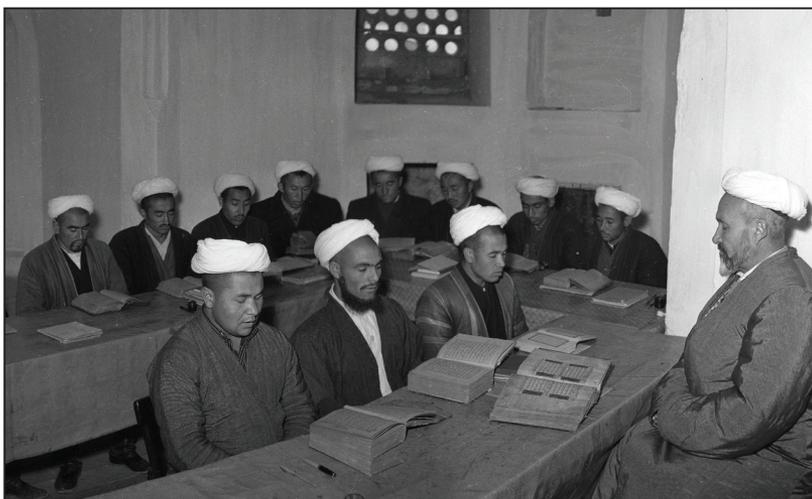
На уроке географии в Бухарском духовном училище. 1955 год, Бухара

Другой похожий пример тоже связан с активным желанием набирающего авторитет Зийа ад-дина Бабаханова и его близкого окружения наладить связи с исламскими учебными центрами с целью повышения квалификации выпускников своих учебных заведений. Ученые богословы из арабских стран выражали свою готовность оказать помощь с подбором преподавательских кадров для учебных заведений САДУМ. Однако Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР категорически отказывался от такого содействия, призывая З. Бабаханова к осторожности в переписке с богословами и государственными деятелями арабских стран. Однако полностью ограничить известную автономию муфтия Совет не решался. В частности, председатель Совета А. Пузин в письме от 10 января 1963 года на адрес председателя Совета в Ташкенте Ш.К. Ширинбаева поддержал З. Бабаханова, его помощников И. Саттиева и Ю. Шакирова в их регулярной переписке с муфтиями Ливана Мухаммадом Ади ал-Джузу и Мухаммадом ал-Хидри только при условии, если не будет затронут вопрос о приглашении шейхов из знаменитого университета ал-Азхар в Бухару¹⁸.

Как видим, несмотря на контроль, с мнением З. Бабаханова властям приходилось считаться, поскольку он был введен в орбиту легитимных игроков в международных форумах страны, что подняло его престиж и авторитет в исламском мире. Поэтому он обладал правом некоторой автономии и, очевидно, старался использовать ее в своих интересах, в частности для получения известной автономии в вопросах образования. Кроме того, муфтий лично старался поднять уровень образования в учебных заведениях САДУМ и, по словам его соратников, нередко устраивал выездные лекции в Мири Араб, преподавал курс по *тафсирам* в медресе Барак-хана и затем в Высшем исламском институте в Ташкенте¹⁹.

18. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 358, л. 33.

19. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 526, лл. 41-43.

Ходжи Шахабиддин ибн Абдуль Момен (справа) — преподаватель духовного училища за обучением чтению Корана слушателей училища. 1955 год, Бухара

В целом, по воспоминаниям старых работников САДУМ, именно Зийа ад-дин Бабахан (Бабаханов) еще в то время, когда его отец Ишан Бабахан был муфтием (1943-1957), подал идею о стажировках «молодых и надежных мулл» в известных в мусульманском мире учебных центрах. Первым в списке «надежных мулл» оказался сам Зийа ад-дин Бабаханов, который в 1946-1947 годах стажировался в знаменитом университете ал-Азхар и затем (1948) обучался на краткосрочных курсах в Мекке и Медине (Бобохонов, 2001, 51).

С 1948 года некоторые студенты медресе начали получать более регулярные возможности обучаться в зарубежных исламских центрах. Позже, особенно после создания Высшего исламского института при САДУМ, его муфтию удалось установить связи с ал-Азхаром, некоторыми учебными заведениями в Дамаске (Сирия), ал-Каравайине (Марокко), Бенгази (Ливия), Омдурмане (Судан) и Исламским университетом Иордании. Сюда с целью прохождения практики и упрочения полученных знаний направлялись студенты²⁰ Духовного управления. В 1955 г. было отправлено 3 студента, в 1956-1960 гг. — 10, в 1961-1985 гг. — по 20. Естественно, на этих студентов распространялись те же правила, что и на любого выезжающего за границу гражданина бывшего СССР, однако включающие еще более строгие предписания относительно норм поведения, круга обязанностей и т.п. После окончания стажировки или обучения студенты должны были отчитываться о своей «командировке» перед руководством САДУМ, откуда копии отчетов попадали в органы контроля²¹.

20. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 616, л. 17.

21. Мы зафиксировали ряд таких отчетов, сходных по содержанию и даже стилистике, что свидетельствует о том, что существовали некие формуляры, по которым составлялись такого рода документы ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 652, л. 34; Р-2456, оп. 1, д. 598, лл. 149-152; Р-2456, оп. 1, д. 509, лл. 114-115.; Р-2456, оп. 1, д. 587, лл. 155-158; Р-2456, оп. 1, д. 563, лл. 66-67; Р-2456, оп. 1, д. 598, лл. 148-150; Р-2456, оп. 1, д. 587, лл. 55-56. По рассказу одного из выпускников Мири Араба и Высшего исламского института Х.С., перед отъездом в Иорданию они со своим сокурсником Т.З. получили ряд таких инструкций и предписаний. В частности, им обоим было предписано облачиться в «светскую одежду» (непрерменно с галстуком), не заменять ее на «арабские одежды» по прибытии на место учебы, отмечаться раз месяц в посольстве СССР. Оба подписали «некоторые бумажки» в особом отделе МИД СССР в Москве, в том числе с обязательством рассказывать своим потенциальным собеседникам «о жизни мусульман в СССР» исключительно в позитивном контексте (из интервью, ноябрь 2012 г.).

Во время обучения в зарубежных исламских университетах (Египет, Сирия, Ливия, Марокко, Судан, Иордания) вчерашние студенты медресе или Высшего исламского института, как и остальные зарубежные «командировочные», обязаны были писать периодические и завершающие отчеты о своем пребывании за рубежом. Их чтение оставляет двойственные ощущения, главным образом в силу разных стилей письма.

С одной стороны, большая часть этих отчетов краткие, изложены «под копирку», а их схему можно уложить в несколько действий: «прибыл — встречался — старался прилежно учиться — постарался оставить хорошие впечатления о советских мусульманах — благополучно вернулся»²². Такого рода документы не дают шансов даже «прочитать между строк». Нам посчастливилось побеседовать с некоторыми авторами таких сухих отчетов. Сегодняшние их воспоминания о жизни и учебе «там», несмотря на известную долю пристрастности, рисуют более живую картину, связанную со стараниями молодого советского мусульманина извлечь максимум выгоды из своего пребывания в зарубежной командировке, в том числе и экономической. Как нам удалось выяснить в ходе наших интервью, сами студенты-мусульмане из разных республик после того, как попадали за рубеж, с трудом преодолевали первоначальный шок от увиденных контрастов и полностью были поглощены учебой, особенно изучением живого арабского языка, понимая, что такой шанс может больше не выпасть²³. Тем более, по признанию большинства наших собеседников, знание живого арабского языка плюс собственно диплом зарубежного учебного заведения серьезно повышали шанс карьерного роста в пределах САДУМ и возвышали общественный статус студента, который «поучился там». Кроме того, новый имидж повышал шансы капитализировать общественный престиж²⁴. Многие из «командированных студентов» не особо вспоминали о затребованных от них в официальных инстанциях обязательствах, хотя, насколько нам известно, никто из них не проявлял желания остаться за рубежом, как это часто бывало с деятелями культуры.

Одновременно сохранились отчеты другого рода, которые можно назвать показательными образцами кратких мемуарных набросков (в официальном, конечно, стиле), вышедшими из-под пера молодых людей, всячески старавшихся позиционировать себя в качестве советских мусульман, искренне отстаивающих позитивный имидж своей родины, с энтузиазмом рассказывая о ее достижениях и о том, что существование ислама в стране достаточно комфортно.

Приведем некоторые выдержки из таких документов, названных «промежуточными отчетами». Итак, ставший студентом сирийского университета выпускник советского медресе Г. Мирзаякубов в своем отчете от 22 июня 1982 г. пишет²⁵:

22. Отчет Мавлянкулова Асраркуля 26 ноября 1963 г. Фес, Марокко. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 431, л. 16, л. 28; Отчет М. Абдуллаева и А. Султанмахмудова 26 июля 1961 г. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 292, л. 37; Письмо А. Абдуллаев и Р. Идрисов 1960 г. ал-Азхар, Каир. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 262, л. 113; Письмо из Египта Ш. Шаикрам и А. Абдуллаев 22 декабря 1957 г. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 213, л. 1; Письмо М. Каттаханова 3 декабря 1963 г. ал-Азхар, Каир ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 361, л. 20; Ш. Бабаханов. Письмо из Египта 2 ноября 1964 г. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 433, л. 57 и др.

23. В отчетах не фиксировалась и экономическая сторона пребывания студентов в зарубежных странах. Судя по нашим интервью, большинство из них старались экономить небольшие стипендии, купить какие-то дефицитные в СССР товары (в основном электронику), чтобы реализовать их в своих странах (с 3-4-кратной прибавкой!), а на вырученные деньги купить на родине дом или автомобиль.

24. Например, в республиках Средней Азии считалось престижным пригласить на «мероприятия», связанные с разными событиями (от похорон и до свадебных торжеств, иных ритуалов), такого «домулло», который поучился в арабских странах, щедро угощая и одаривая его, в том числе и деньгами. По признанию одного из наших интервьюеров Х.С., первые полтора года после возвращения с учебы в религиозном университете в Ливии он примерно полтора года был «обязательным гостем» на подобного рода ритуальных собраниях и на вырученные деньги купил машину «Жигули», скопил деньги на кооперативную (частную) квартиру.

25. Особенности стилистики отчетов сохранены.

«... Во время разговоров со студентами из других стран рассказываем о последних достижениях Советского Союза. Постарались познакомить сирийских студентов с советскими реалиями на примере Узбекистана и Татарской АССР. Кроме этого, говорим о деятельности 4 постоянных духовных управлений и жизни мусульман в советском государстве. Большинство иностранных студентов, слушая наши рассказы с большим вниманием, выражают удовлетворенность от жизни мусульман в Советском Союзе. Нужно подчеркнуть, что наши рассказы совпадают со статьями, публикуемыми в Советском Союзе в журнале «Мусульмане Советского Востока». Мы распространяем журнал среди студентов, преподавателей, верующих, совершающих молитвы в мечети. В апреле, по просьбе муфтия А. Куфтару, Г. Мирзаякубов сделал доклад перед преподавателями и студентами на тему «О жизни и деятельности мусульман СССР»²⁶. Доклад был подготовлен на основе книги З. Бабаханова «Ислам и мусульмане в стране советов» и журнала «Мусульмане Советского Востока». Доклад произвел на участников огромное впечатление, большинство участников обратились к советским студентам с просьбой о приобретении журналов и книг, опубликованных в Советском Союзе»²⁷.

Другой студент медресе С. Мухитдинов писал, что в Бенгази́йском университете Триполи (Ливия) на его курсе обучаются 170 студентов, из них 95% ливийцев.

«Они ничего не знали о мусульманах советского государства — продолжает С. Мухитдинов. Я рассказал им, что в Советском Союзе [существует] свобода вероисповедания, каждый может опрaвлять ритуалы своего культа, что государство не вмешивается в дела религии и верующие не преследуются²⁸. Они спрашивают о жизни советских мусульман. Они спрашивают: У них есть свои дома? Пользуются ли они наравне с коммунистами всеми правами? И другие вопросы. Многие преподаватели, в частности, Муаммар Мухаммед аль-Кимати обращаются с нами хорошо. Особенно визит А.Н. Косыгина²⁹ в Ливию и председателя совета министров Ливии Джаллуды в СССР привело к еще большему улучшению отношения к нам. Выпускника А. Мавлянкулова часто вспоминают с уважением, о нем как о студенте советских мусульман отзываются добрыми словами... Все представители советских мусульман — Р. Нисанбаев, М. Кутбиддинов, С. Мухитдинов — стараемся исполнять возложенные на нас советским государством обязательства. Оправдывая доверие, оказанное нам, мы будем служить мусульманам своей страны (7 июля 1975 г.)»³⁰.

Во время наших бесед с бывшими студентами зарубежных учебных центров они подтвердили, что в составлении таких отчетов они следовали предписаниям и инструкциям, старались продемонстрировать свою гражданскую лояльность. Однако оценка ими своей позиции была двойственна, как, собственно, все, что касалось статуса «советского мусульманина». Студенты понимали, что, выражая в отчетах «верноподданность» либо сухую беспри-

26. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 654, л. 62.

27. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 654, л. 63.

28. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 563, л. 65.

29. В то время Премьер-министр СССР.

30. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 563, л. 66.

страстность и лаконичность, они могут сохранить свое место учебы в зарубежных университетах (не будут отозваны). Одновременно мы слышали вполне искренние заверения от некоторых наших собеседников, что в зарубежных стажировках они всячески старались оправдать звание советского мусульманина.

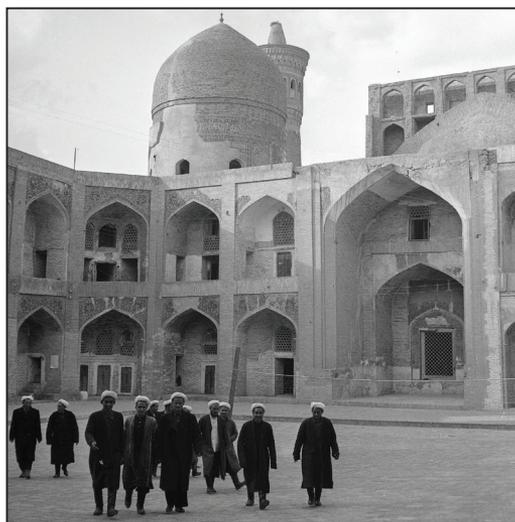
Один из бывших студентов Исламского учебного центра в Иордании Х.С. тоже рассказал о своих впечатлениях:

«Советский Союз в мусульманских странах тогда очень уважали, например, за помощь в борьбе против Израиля. Но всегда там думали, что наше государство — страна безбожников. Когда мы им рассказывали, что мы мусульмане из этой страны, и что мы дей-

ствительно получили религиозное образование в нашей стране и что у нас существуют свои муфтияты, они удивлялись и даже некоторые просили поклясться на Коране. ... Они мало понимали, что происходит у нас, и мы тоже ничего не знали, что происходило у них. Мы тоже удивлялись, увидев, что у них, у арабов, есть «открытые» мусульманки³¹, многие из них ведут светский образ жизни, иногда даже пьют спиртное. Я и мои друзья начали понимать, что между нами нет такой большой разницы. Только у них была свободная торговля (тиджорат), частное предпринимательство. Мы бы тоже сильно развились, если бы у нас были такие свободы ...»³².

У нас нет оснований сомневаться в искренности изложенных в отчетах условно «второго типа» и рассказанных в частных беседах впечатлений и, может быть, немного наивных (с сегодняшней точки зрения) представлений и особенностей восприятия «других» мусульман. Однако как по отчетам, так и по сегодняшним воспоминаниям этих студентов заметно, что их идентичность в качестве советского мусульманина состоялась независимо от пристрастности воспоминаний и критики советской действительности с точки зрения сегодняшних реалий. Хотя оба типа отчетов лишь в некоторой степени отражали действительные впечатления советского мусульманина, попавшего в среду «своих», но оставшегося в рамках собственной идентичности (как советского мусульманина), образовательных и культурных кодов, сформированных в идеологической, пропагандистской и образовательной системах того времени.

Таким образом, студент, окончивший Высший исламский институт и оказавшийся за рубежом, призван был являть собой «лицо советского ислама», выполняя (в идеале,

Во дворе Бухарского духовного училища. 1955 год, Бухара

31. То есть не носящие хиджабов.

32. Из интервью в ноябре 2012. Х.С. также искренне настаивал, что после 70-х годов «к религии во всем Союзе, и особенно в Средней Азии, относились более уважительно». В качестве одного из доказательств он приводил пример собственной службы в Советской армии, где он был освобожден от политзанятий как верующий, а офицеры и сослуживцы не имели к нему претензий и никогда не преследовали его за то, что он старался выбирать пищу в столовой, не ел свинины и т.п.

Мухтар Абдуллаев — воспитанник Бухарского медресе, ныне преподаватель, проводит урока толкования Корана. 1963 год, Бухара

разумеется) те же функции, что и, скажем, советские деятели культуры, представляющие «преимущества социализма» с больших сцен мировых концертных залов. Иными словами, несмотря на разные функции и статусы советского студента-мусульманина и деятеля культуры, оба были равны перед негласным законом о статусе и облике советского гражданина, командированного за рубеж.

«НАС ОБУЧАЛИ ИСЛАМУ ПО-СОВЕТСКИ»³³. УЧЕБНЫЕ ПРОГРАММЫ, ПРЕДМЕТЫ, ВНУТРЕННИЙ РАСПОРЯДОК В МЕДРЕСЕ

Подчинение САДУМ и его учебных заведений советской системе проявлялось не только в зарубежных командировках. Более всего советские правила заметны в эволюции учебных программ, изменении в составе предметов, требований к одежде и т.п.³⁴ В ряде документов, в которых разрешалось открытие учебных заведений при САДУМ³⁵, цель создания этих учреждений обычно формулировалась в советском стиле: «обучение необходимых (вариант — «требуемых») религиозных кадров». Парадокс ситуации состоял не столько в неуклюжей советской формулировке, сколько в смыслах и целях, подчиненных «кадровой политике» советской власти, особенно на ранних ее этапах³⁶. На первый взгляд получалось, что, во-первых, советская власть все-таки нуж-

33. Цитата из интервью с выпускником (1980 г.) медресе Мири Араб К. Турсуновым (Ташкент, август 2013 г., комплекс Занги-ата).

34. Краткий обзор предметов предложен в упомянутых статьях: Muminov, Gafurov, Shigabdinov (2010); Гафуров (2002); Tasar (2016).

35. Ссылки на документы см. ниже.

36. Достаточно напомнить главный советский лозунг 20-х — 40-х гг.: «Кадры решают все!». Имелись в виду специалисты в народном хозяйстве, науке, образовании, культуре и т.д.

далась в «религиозных кадрах», возможно, учитывая долго сохраняемую религиозность населения — даже тех, кто вполне адаптировался к советской действительности. Вторых, власти вынужденно или намеренно были озабочены подготовкой кадров для своих идеологических противников внутри страны. Однако мотивация властей была сложнее и, очевидно, диктовалась не просто желанием установить контроль в «сфере религиозных культов». Упомянутые контексты международной дипломатии и внешнеполитические интересы серьезно влияли на принципы и конфигурацию отношений властей со своими естественными идеологическими противниками внутри страны, уступая им незначительную часть пространства в образовательной и социальной сферах.

Во всяком случае, когда разрешение на создание учебных заведений было получено, едва ли не с первых дней основания медресе в Бухаре в нем быстрыми темпами удалось укомплектовать преподавательский состав и наладить обучение, в той или иной степени соответствующее методам старых медресе, поскольку еще были живы те, кто в них учился, а самое главное, у них было свое традиционное представление о правилах и направлениях религиозного обучения. Первоначально обучение в медресе Мири Араб было определено сроком в 9 лет; из них 5 лет отводилось на начальное образование и 4 года на среднее. Продолжительность учебного года составляла 9 месяцев — с сентября по май. Финансовое обеспечение медресе, общежитие для студентов, питание и другие расходы выделялись управлением по делам религий из фонда, пополняемого за счет частных добровольных пожертвований верующих мусульман.

В самом начале функционирования медресе Мири Араб серьезного вмешательства в состав предметов, методы преподавания и претензий к внешнему виду студентов еще не было³⁷. Тем более что власти в большей степени были заняты послевоенным восстановлением, а в селах и городах еще нередко можно было встретить людей, которые одевались «по-мусульмански». Хотя уже тогда в Мири Арабе были введены такие предметы, как «Конституция СССР», русский язык, география и другие курсы, соответствовавшие программе советской школы. Что касается религиозных предметов, то, согласно воспоминаниям первых выпускников медресе³⁸, в начальные годы обучения (с 1946 по 1950-е гг.) программы и способы обучения религиозным наукам (языки, *кира'ат*, *фикх*, *'акида*, *тахара*³⁹, тафсиры, логика/*мантик*, каллиграфия и др.)⁴⁰ еще сохраняли традиционные формы, основанные преимущественно на чтении и затем заучивании текстов оригиналов под руководством учителя (*мутала'а*).

37. Это особенно заметно по фотографиям тех лет — студенты и преподаватели медресе облачены в традиционные одежды, почти ничем не отличающиеся от средневековых. См.: Иўдашхўжаев, Қаюмова (2015).

38. Мы опираемся на свои интервью, которые проводили с перерывами с 1989 года по настоящее время. Среди наших информаторов мы с благодарностью упомянем выпускников первого и третьего потоков (1951 и 1953 гг.) соответственно — Муроджон-кори Асатуллаева (Коканд, ум. в 1999 г.), Хомидхон-кори Наимова (Наманган, ум. в 1907 г.). Мы также пользовались в высшей степени интересной информацией выпускников более позднего поколения, среди которых можно назвать имена Шейха Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуфа (ум. в 2015 г.), его однокурсника Х.С., бывшего преподавателя в Мири Араб Ма'руфджана Рахимджани и многих других.

39. Собственно, это первый раздел в книгах по фикху. Правда, на русский язык такого рода термины переводили в советском стиле. Например, *«тахара»* (ритуальное очищение, омовение) переводилось как «правила санитарии», что давало право вывести этот предмет в разряд «светских», чтобы сохранять требуемый баланс с науками «религиозными». См.: ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 92, л. 84 и далее.

40. Здесь приведен перечень религиозных и светских дисциплин в программе обучения в Мири Араб за 1946-1947 учебный год.

К концу 40-х — началу 50-х годов внимание властей к этому учебному заведению усиливается, а прием экзаменов и программа обучения в нем постепенно подчиняются стандартам советской образовательной системы. Во-первых, в медресе принимались молодые люди, имеющие аттестат о начальном среднем и затем (с 1962 г.) о полном среднем образовании, полученном, естественно, в советской школе, а прием экзаменов и деление учебного года на «сессионные периоды», время каникул и другие условия полностью соответствовали правилам, принятым в советской образовательной системе⁴¹. Правда, в такого рода документы не вошло собственное расписание учащихся, которое, как нам удалось выяснить, включало время чтений предписанных молитв, факультативные (дополнительные) занятия по правилам чтения Корана, хадисам, индивидуальное чтение богословских текстов с преподавателями медресе или иными знатоками.

Во-вторых, несмотря на глухое недовольство преподавателей⁴², в состав предметов были включены исключительно «советские предметы», такие как уроки по Конституции СССР, истории, географии (в том числе и экономической географии), политической экономии (в марксистско-ленинском стиле), советской литературы, обществоведения и значительное количество часов для изучения русского языка⁴³. Примерно такое же положение наблюдается и в учебной программе медресе Барак-хана в Ташкенте⁴⁴. В год его открытия в 1956 году на 30 мест поступило 160 заявлений. Чуть выше был конкурс в медресе Мири Араб (общее число заявлений на поступление в 1975-1980 гг. — 300 при наборе 12-15 студентов). А в 1980-1981 учебном году в Мири Араб подано 116 заявлений, но принято 12 человек⁴⁵. Для сравнения — конкурс на поступление на факультет филологии Ташкентского государственного университета был 4 человека на место (при наборе 25-30 студентов), а на факультет истории — 6 человек на место (при наборе 25 человек) (Ахмедова, 1969, 8-9). Конечно, такое сравнение может показаться условным, если учитывать, что светских учебных заведений было намного больше, а их рейтинг (к 1980 гг. от 25 до 40 абитуриентов на место). Однако сравнение вполне уместно, если иметь в виду ориентиры в предпочтениях молодых людей советского времени как результат доминанты светского воспитания в школах и семьях. К тому же светское образование давало значительно большие шансы для карьерного роста, завоевания общественного престижа и т.п.

Любопытны и другие статистические данные. В медресе Мири Араб за 1951-1980 гг. было 12 выпусков студентов (1951, 1958, 1959, 1961, 1966, 1968, 1971, 1973,

41. Вступительные экзамены проводились по предметам средних школ: история СССР, география СССР, обществоведение, для узбеков — узбекский язык, русский язык, собеседование на предмет общего мировоззрения. Для поступления необходимы были следующие документы: заявление на имя председателя САДУМ, копия аттестата о среднем образовании, справка с места жительства, медицинская справка, письменное обращение с рекомендацией от имама ближайшей к месту проживания абитуриента мечети, характеристика из школы или последнего места работы. Возрастной ценз от 18 до 28 лет. Начало учебы — 1 сентября. Занятия начинались в 8 утра и заканчивались после полудня. Каждый студент во второй половине дня обеспечивался горячим питанием. После окончания учебного курса (класса) студенты отправлялись на каникулы. См.: ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 633, лл. 26-27 и далее.

42. Об этом (по рассказам своих учителей) вспоминали некоторые выпускники второго и третьего поколений Мири Араба.

43. Учебная программа духовного училища медресе Мир Араб в 1962-1963 гг. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 310, л. 9, л. 16; О работе духовного училища медресе Мир Араб в Бухаре. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 637, л. 32.; Справка о ходе работы в Высшей Духовной школе. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 528, лл. 54-56.

44. В первый учебный год в 1 и 2 классы приняли 35 студентов. В качестве учителей были назначены члены Духовного управления — Фазилаходжа Садикходжаев и Мухитдин Бабаджанов. Духовное управление разработало общие требования и программу курсов для слушателей обоих медресе, учебная программа и финансирование которых были одинаковыми. См.: ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 500, лл. 49-53.

45. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 637, лл. 30-32.

1975, 1978, 1980 гг.). Общее количество выпускников по представленным отчетам составило 147 человек, хотя на деле их было больше. Из них (по представленному статистическому отчету) 68 выпускников из Узбекистана, 33 — из Таджикистана, 18 — из Кыргызстана, 17 — из Казахстана, 3 — из Туркменистана, 5 — из ДУМС, 3 — из ДУМСК⁴⁶.

Со временем, как и во всех учебных заведениях, было заведено правило предоставлять отчеты медресе (учебный план, о составе преподавателей, «воспитательной работе», недочетах и пр.) руководству САДУМ, где их переводили и, очевидно, немного редактировали и отправляли в республиканский Совет по религиозным культурам⁴⁷, который имел право проводить проверки в медресе. На этом отношения с Советом не кончались. По его инициативе предлагалось периодически организовывать лектории для студентов медресе по «злободневным темам» советского времени: о Конституции, по международным отношениям, обзоры прессы и т.п.⁴⁸ В первые несколько лет существования Совета по религиозным культурам его республиканский Уполномоченный (Председатель) предпринимал попытки прямого вмешательства в состав программы и иные аспекты учебного процесса. Например, в 1948 году Уполномоченный Совета Искандаров, утверждая перечень «религиозных предметов» и направляя отчет в Москву, попытался оспорить целесообразность включения в состав «религиозных предметов» курса по хадисам (или, как написано в его письме, «хадисологии»). Ответ (18 февраля 1948 г.) председателя Совета И.В. Полянского был примечательным:

«Изречения и деяния Мухаммада составляют основную часть п.п. 3,4 программы медресе по хадисологии и поэтому не является вопросом новым, требующим рассмотрения в Совете по делам религиозных культов. Исходя из этого, Совет считает, что Вам не следует чинить препятствий к включению в цикл лекций по хадисологии 'Изречения и деяния Мухаммада'»⁴⁹.

Одергивание из Москвы означало предоставление известной автономии САДУМ в составлении необходимых курсов «религиозных наук» в медресе и подтверждение ранее принятой программы, соблюдавшей некоторый баланс дисциплин, которые делились на «светские» и «религиозные».

Несмотря на эти перипетии, в 1951-1952 гг. учебный план сохранялся примерно в прежнем виде⁵⁰. В 1955-1956 гг. общий учебный план медресе составлял 5456 часов, из них 1842 часа отводилось на изучение «светских наук», хотя определение «светскость»

46. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 637, л.27.

47. Программа обучения в 1966-1967 учебном году в медресе Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 460, лл. 122-130; Отчет о второй половине 1965-1966 учебного года в медресе Мир Араб в г. Бухаре Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 460, лл. 108-112; Докладная записка о результатах изучения практической деятельности мусульманского училища медресе Мир Араб в г. Бухаре ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 198, лл. 1-5; Отчетный доклад директора Бухарского Мусульманского Духовного училища медресе Мир Араб об итогах работы за 1956-1957 учебный год ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 221, лл. 36-56.

48. Отчет о внутренней деятельности Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана за 1981 г. (Конституция СССР и дальнейшее развитие советской политической системы, XX съезд КП УзССР и XXVI съезд КПСС о национально-освободительных движениях в странах Азии и Латинской Америки, XXVI съезд КПСС о внешней политике СССР и др.) ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 654, лл. 37-43; О проведении обсуждения новой конституции СССР при ТИИ в 26 сентября 1977 г. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 583, л. 71; ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 637, л. 31.

49. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 105, лл. 13, 14, 14 об., 15, 17, 17 об.

50. ЦГА РУз, Р-2456, оп.1, д.500, л. 48.

могло быть условным, как это мы показали выше на примере тахара/санитария. Можно привести и другой пример, когда курс «История ислама», считавшийся «светским предметом», в действительности (согласно нашим опросам) включал в себя не только какие-то лекции на основе официальных учебных пособий, но и факультативное чтение текстов вроде «*Сират ан-набавийа*» или разные вариации литературы, написанной в жанре «*шам'ил*», персидские или тюркские переложения «*Та'рих-и анбийа ва-л-мудук*» ат-Табари или подобные тексты⁵¹.

Согласно письменным отчетам на основе проверок, составленным Уполномоченным по делам религиозных конфессий при Бухарском облизполкоме Н. Очиловым, в недельном курсе обучения в Мири Арабе на преподавание «религиозных предметов» приходилось 66%, а на «светские науки» — 34% из общего числа часов⁵². Однако мы вновь напоминаем об условности такого подразделения, учитывая указанные выше факты, а также то, что языковая подготовка (особенно арабского языка) на более поздних курсах обязательно включала чтение и перевод некоторых религиозных текстов или сочинений современной арабской литературы, среди которых попадались те, которые написаны религиозными авторами.

Однако как в период примерно до середины 1950-х годов, так и позже учебные программы были мобильны и менялись как по инициативе сотрудников САДУМ, так и по предложению Совета по религиозным культам. Одна из таких «реформ» была проведена в 1957 году. В частности, в письме Духовного управления от 19 декабря 1957 г. изменения, внесенные в учебный план медресе Баракхан, касались следующего. Согласно плану, на 5, 7, 9 курсах некоторые предметы (каллиграфия, правописание, диктанты), занимавшие 2 и более часов в неделю, были заменены историей СССР. На девятом курсе урок морфологии арабского языка (*сарф*) сокращен и в свободные часы введен урок по Советской Конституции (2 часа в неделю). Кроме того, возрожден предмет по экономической географии (внеклассно, по 2 часа в неделю) на всех курсах⁵³. В учебном плане на 1959-1960 гг., хотя и наблюдалось увеличение числа религиозных дисциплин, однако количество часов на их преподавание в неделю было сокращено⁵⁴.

В 1960-е годы изменились структура, объем и состав предметов, некоторые из которых были удалены вовсе. Заметно также сокращение часов некоторых курсов. Между тем, служба Уполномоченного по религиозным культам пыталась анализировать динамику предметов и отведенных на них часов в медресе. Правда, судя по обоснованию и содержанию сопроводительного текста, такого рода анализ посвящен обычной задаче — доказать вышестоящим органам тот факт, что обучение в медресе «отвечает велению времени», поскольку «светская часть» учебной программы усиливается. Мы свели эти данные в таблицу (без изменений)⁵⁵:

51. См. также: ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 92, л. 86 и далее. Один из преподавателей медресе Мири Араб (преподавал в 1966-1988 гг. с перерывами) известный востоковед ленинградской школы Б.А. Казаков (ум. в 2011 г.) подтвердил, что по желанию студентов он включал в лекции по истории Узбекистана обзоры истории исламизации Центральной Азии, называл имена именитых мусульманских авторов или богословов, конечно в рамках доступного материала (интервью за март-апрель 2000 г.).

52. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 198, лл. 2-5.

53. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 221, л. 130.

54. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 221, л. 73. Другие данные о преподаваемых предметах в упомянутых медресе и Высшем исламском институте см. в упомянутых статьях: Muminov, Gafurov, Shigabdinov (2010); Гафуров (2002); Eren Tasar (2016).

55. Таблица составлена по данным ЦГА РУз, Фонд Р-2456, Уполномоченный Совет по Делама религий при УзССР.

№	Наименование дисциплин	1947-1948 Учебный год	1961-1962 Учебный год
		8 месяцев = для 3 класса, всего 1400 часов	6 месяцев = для 3,5,7 классов, всего 2366 часов
1.	Чтение Корана, правила по правильному чтению Корана	100	78
2.	Комментарии к Корану	100	182
3.	Хадис	200	286
4.	Фикх (Исламская юриспруденция)	200	Не преподавался ⁵⁶
5.	Арабский язык	300	364
6.	История ислама	50	Не преподавалась
7.	Разговорная речь на арабском языке	Не преподавалась	390
8.	Персидский язык	75	312
9.	Русский язык	Не преподавался	294
10.	География	60	156
11.	История СССР	180	156
12.	Конституция СССР	Не преподавалась	52
13.	Узбекский язык	75	Не преподавался
14.	Советская литература	Не преподавалась	156
15.	Арифметика	60	Не преподавалась

Нам кажется, что не следует все эти перемены толковать исключительно как признак усиления контроля властей и как результат атеистической пропаганды, как это часто мы видим в некоторых публикациях (Muminov, Gafurov, Shigabdinov, 2010; Tasar, 2016). Не стоит исключать и факторы естественной (внутренней) эволюции учебного процесса, которые последовали как реакция на усиление среднего образования в советских школах (арифметика, история и др.), также это могло быть связано с реструктуризацией самих учебных заведений при САДУМ.

56. Преподавание фикха в 1960-1961 году было приостановлено и возобновлено в Высшем исламском институте.

Слушатели 1-го курса Бухарского медресе Мири Араб на занятии. 1964 год, Бухара

Особенно резкое изменение состава предметов в медресе Мири Араб наблюдается после создания Высшего исламского института, в дипломах выпускников которого был принят советский стандарт статуса выпускника: «Высшее специальное духовное образование»⁵⁷. Тем более, повторяем, приведенные данные нельзя абсолютизировать, так как руководство медресе и позже Института имело возможности варьировать и адаптировать читаемые курсы под запросы аудитории. Кроме того, такого рода аналитические записки не учитывали дополнительные занятия студентов, а также их частные уроки, которые, разумеется, не афишировались.

С началом функционирования Высшего исламского института в Ташкенте (1 ноября 1971 г.) установилась единая программа обучения, которая в той или иной мере сохранилась почти до конца 1980-х гг. и учитывала обучение в медресе Мири Араб. В последнем учебная программа тоже упростилась, так как часть предметов в более усиленном виде преподавались в Высшем институте⁵⁸. Хотя учебные программы медресе Мири Араб 1980 г. сохранили следующие дисциплины: рецитация Корана по принятым правилам (*кира'ат, таджвид*), комментарии к Корану, история ислама, правоведение, разговорная речь арабского языка, морфология и синтаксис арабского языка (*сарф, нахв*), каллиграфия, персидский язык, география СССР, Конституция СССР, история СССР, физическая культура, государственное право⁵⁹.

57. По тогдашним правилам (60-е — 80-е годы прошлого века) к «высшему учебному заведению» было приравнено медреса. Например, в «Личных листках» окончивших медресе старого или нового типа в графе «Образование» в те годы появилось новое определение: «Медресе (высшее учебное заведение старого/специального типа)» либо: «Высшее (старого типа)». Еще более мудреная классификация религиозного образования написана в «Личном листке» у одного из домюла Института востоковедения АН УзССР Хакимджанова Юнуса: «Медресе (старомодное высшее учебное заведение, отделение гуманитарных наук)». Архив ИВ АН РУз, Папка «Х», л. 1.

58. См. также: ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 528, лл. 54-55; Там же, д. 622, л. 13.; Архив Духовного управления мусульман Узбекистана, д. 170. Протоколы 1982-1985 гг.

59. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 637, л. 29.

В контексте оценки внутренних (в известной мере естественных) изменений состава и методов преподавания особенно любопытны письма студентов, которые учились за рубежом. В них мы находим сравнения учебных программ тех учебных центров, в которые они попали, с программами и методами преподавания в медресе САДУМ. При этом студенты пытались сформулировать предложения по улучшению религиозного образования в своей стране, «по устранению недостатков» и т.п.⁶⁰

В этой связи важно также то обстоятельство, что в учебных заведениях исламского мира наблюдаются такие же изменения как в составе предметов (то есть свободное сочетание предметов условно «религиозных» и «светских»), так и в методах преподавания. Об этом говорили все опрошенные нами респонденты, которым довелось учиться в зарубежных учебных центрах. Причем, по их впечатлениям, в арабских странах (даже в КСА) такие перемены происходили проще и при меньшем сопротивлении руководства учебных заведений, которые, подобно старейшему университету ал-Азхар, выделяли факультеты по медицине, инженерии и т.п. По рассказам старейших работников САДУМ, об этих переменах в арабских странах Зийа ад-Дин Бабахан и его окружение были хорошо осведомлены, хотя едва ли они могли полностью их копировать. Однако бурные реформы в образовательной системе исламского мира не могли не повлиять на руководство САДУМ. Следовательно, перемены в религиозном образовании учебных заведений Управления следует помещать в контекст реформ религиозного образования в мусульманском мире, в сфере его свободного сочетания с т.н. «светскими науками».

Что касается «идеологизации» учебных программ, то, по рассказам наших собеседников, это явление не было чуждо и для зарубежных учебных центров, куда они попадали. Например, известный богослов региона Мухаммад-Садик Мухаммад-Юсуф вспоминал, что во время его учебы (1976-1980 гг.) в Государственном исламском университете в Ливии в обязательную программу были включены лекции по «Зеленой книге» Муаммара Каддафи, по особенностям арабского социализма и т.п.

Итак, как бы это ни выглядело странным, чаще всего инициаторами перемен в составе дисциплин и методов обучения в медресе и отчасти в Высшем исламском институте выступали сами преподаватели или видные богословы из состава САДУМ, а также вчерашние студенты⁶¹. Мотивацию и заинтересованность «духовного руководства» в этих переменах мы увидели как в ходе изучения документов, так и на основании наших интервью. Кроме упомянутых влияний реформ, происходящих в этой сфере в остальном мусульманском мире, существовали и внутренние предпосылки для перемен.

Во-первых, несмотря на довольно ограниченное число выпускников медресе и Института, САДУМ едва ли мог обеспечить всех выпускников рабочими местами, на-

60. Студенты медресе С. Мухитдинов и М. Кутбиддинов, став слушателями Университета Бенгази и Триполи (Ливия), пишут в отчете (7 июля 1975 г.), что учеба для всех студентов не делает никаких исключений для иностранцев, не всегда владеющих арабским языком в достаточной мере и не всегда имеющих достаточную подготовку в богословии. Поэтому эти студенты предлагали на будущее учитывать это обстоятельство и отправлять учиться в Ливию только подготовленных. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 563, лл. 65-67.

61. Инициативы по переменам касались форм обучения и состава предметов на основе конфессиональных сочинений по религиозным предметам, арабского языка и т.п. Работники САДУМ, преподаватели и даже имамы сами поднимали вопрос о переменах консервативных способов обучения в медресе, предлагая также заменить «старые учебники», являющиеся чаще всего старинными конфессиональными сочинениями (типа «Мишкат ал-масабих» ат-Табризи или «Мухтасар ал-викайа» Убайдаллаха Бухари и др.), на «новые учебники», которые предлагалось заимствовать из учебных центров арабских стран. См., например, ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 198, л. 5. Член Духовного управления, казий Казахстана Сакен Гилманов (1880-1969) тоже предлагал изменить способ обучения и состав учебников в Мири Арабе. См.: Р-2456, оп. 1, д. 206, л. 32; там же, оп. 1, д. 223, л. 25. Начальник Учебной части медресе тоже негативно оценивал мировоззрение первых выпускников, отмечая, что «нет значительной разницы между выпускниками нашего медресе и студентами медресе в старину» (там же, оп. 1, д. 231, л. 113).

пример, в мечетях, количество которых тоже было ограниченным. К тому же почти все они были укомплектованы имам-хатибами, мутавалли и другими «штатными единицами» (в зависимости от размера мечети). Следовательно, вопрос о «трудоустройстве» выпускников мечетей оставался актуальным всегда. Именно это обстоятельство побудило директора медресе Мири Араб (по совместительству заместителя Муфтия) Исмаила Саттиева выступить с инициативой усиления преподавания предметов (в первую очередь иностранных языков), которые могли бы пригодиться выпускникам не только для работы в структуре САДУМ, но и «в государственных органах», как писалось в предложениях Управления⁶². Так, в учебный процесс, кроме упомянутых дисциплин и языков, были введены «Политическая экономия», «История восточных народов», «Экономическая и политическая география стран Азии и Африки», английский язык и даже физическая культура⁶³. Иными словами, руководство САДУМ тоже не оставалось в стороне от процесса усиления светских (по сути советских) предметов, мотивируя это желанием подготовить выпускников к жизни в «советском обществе». Речь в действительности шла об их адаптации к существующим реалиям.

Во-вторых, в отчетах медресе 1952-1966 гг. отражены другие интересные факты, касающиеся разнообразных конфигураций в образовании и профессиональных навыков студентов. Например, из документов известно об организации при медресе фотокружка, дополнительной учебы студентов в вечерних профтехучилищах с целью овладения ими разных профессий⁶⁴. Естественно, это увеличивало шансы выпускников на трудоустройство после окончания учебы.

Согласно собранной нами информации, некоторые выпускники Высшего исламского института приглашались в Совет (позже «Комитет») по религиозным культам и в его областные органы в качестве переводчиков, консультантов и т.п.⁶⁵ Часть выпускников медресе и Высшего института работали в институтах Академии наук УзССР (Рукописей, Языка и литературы и Востоковедения), другая часть работала в архитектурно-реставрационных мастерских, в типографиях и так далее. Причем предьявитель диплома медресе квалифицировался как носитель «средне-специального образования», а выпускник Высшего исламского института как «Высшего, специального образования»⁶⁶. Изучение статуса и поведения таких выпускников медресе и Исламского института, «пошедших в народ» и в советские учреждения, — тема специального исследования. Пока мы можем сказать (на основании наших опросов), что религиозные люди в советских учреждениях пользовались высоким уважением, несмотря на некоторую настороженность «начальства». Их услугами с удовольствием пользовались коллеги и просто соседи во время проводимых семейных и общественных ритуалов.

Последнее пятилетие СССР, названное «периодом перестройки», ознаменовалось самыми серьезными за советский период послаблениями в отношении религии. Параллельно начался процесс пересмотра учебных программ. В частности, в постановлении заседания Духовного управления от 15 июня 1989 г. (под

62. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 292, лл. 69-77.

63. ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 325, л. 9.

64. О работе фотокружка при медресе Мир Араб ЦГА РУз, Р-2456, оп. 1, д. 310, л. 16; Например, студент А. Гафаров параллельно учился на вечернем отделении Текстильного института. Там же, д. 275, лл. 3-5.

65. Самый показательный пример в этом смысле — карьера Салимджана Меликулова (1949-2007; выпускник Мири Араба 1979 года), который работал в качестве имама разных мечетей и затем как консультант в Комитете по религиозным делам и позже начальником отдела. См.: Йулдашходжаев, Каюмова. Узбекистон уламолари, 194-195.

66. Нам удалось выявить примерно 30 таких персон. Однако их было намного больше.

председательством нового муфтия Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуфа), посвященного итогам учебного года, заведующий медресе Мири Араб М. Абдуллаев внес предложение обновить учебный план медресе, указывая на его несоответствие требованиям времени. Было предложено создать специальную группу. Он подчеркнул, что перемены будут способствовать повышению уровня религиозных знаний студентов (Архив ДУМ Узбекистана, д. 164, л. 100).

С этого момента в медресе Мири Араб и Высшем исламском институте наблюдается некоторое увеличение часов на освоение собственно религиозных наук, однако часть т.н. «светских дисциплин» все же сохранилась (по настоянию муфтия Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуфа).

Параллельно к концу 1980-х гг. стала открываться масса медресе в ряде городов Средней Азии. Естественно, наспех составленные программы обучения в них при остром недостатке людей с опытом (или хотя бы религиозным образованием) и при отсутствии каких-либо учебников привели к тому, что основной преподавательский контингент в них набирался в основном из тех мулл, кто учился в нелегальных религиозных школах советского периода (т.н. «худжра»), т.е. получил традиционное и совершенно консервативное религиозное образование в стиле средневековых медресе. Стихийно составленные программы обучения новоявленных медресе включали только начальные курсы религиозных знаний и ритуальных навыков практически при полном отсутствии предметов, традиционно определяемых как «светские» (например, география, история или узбекский язык). И поскольку эти наспех основанные новые медресе «старого типа» стали буквально форпостами возрождающейся и набирающей силы религии, то формы реисламизации были преимущественно консервативными. Однако это уже другая тема, ждущая своих исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте «новой религиозной политики» советской власти военного и послевоенного времени на САДУМ и его учебные учреждения возлагалась особая миссия. Они были не просто средством контроля, но и важным инструментом в попытке создания советского ислама, или нового советского мусульманина. Если судить по пропагандистским акциям и декларативным предписаниям, зафиксированным, в том числе, в уставе медресе САДУМ, это учреждение не оставалось в стороне от попыток сформировать молодого советского имама, олицетворяющего преданность советской родине и мусульманам. Таким был, например, кодекс учащегося медресе Мири Араб, написанный в советском стиле и в советской традиции. Согласно его содержанию, прилежному студенту медресе предписывалось следующее:

«Слушатели медресе всегда должны помнить, что они считаются студентами великого Советского государства. Наряду с изучением религии и богослужения, нужно следовать присущим советскому гражданину правилам морали, пребывать в патриотическом духе, быть правдивыми и искренними в работе и учебе, относиться с уважением к исполнению приказов государства, быть трудолюбивыми, высококультурными и солидными людьми. Во время нахождения в медресе и после его окончания, [учащиеся] не должны быть высокомерными, не предаваться фанатизму, не предаваться суфизму и выделяться из различных положений, связанных с эти-

ми нравственными правилами, иметь поведение советского гражданина, мягко обращаться с семьей и людьми, быть дисциплинированными, быть личностями, соответствующими пожеланиям людей и семьи. Слушателям следует быть прилежными в учебе, выполнять все задания учителей, уделять большое внимание изучению современных наук и основ религии ислам, в особенности изучению русского языка. Во всех вышеупомянутых проявлениях учащиеся медресе должны быть примером для других»⁶⁷.

Как видно, составители предписания не видели противоречий в соединении морали советского патриота-гражданина и прилежного мусульманина, готового к «исполнению приказов государства» и одновременно предписаний веры вопреки атеистической идеологии властей. Более того, стиль этого и подобных декларативных документов совершенно игнорирует собственно атеистическую идеологию и пропаганду, словно все проблемы в давнем противостоянии уже решены, а взаимная адаптация уже состоялась. В известном смысле, это было действительно так, по крайней мере, сфера деятельности и влияния идеологических противников были уже разграничены. Документ в предельно концентрированном виде выражает готовность «духовных отцов» мусульман адаптироваться к требованиям общественной морали социалистического толка и даже призывает новую генерацию мусульман стать примерным образцом этого общества.

С другой стороны, такого рода декларативные предписания очень напоминают знаменитый «Моральный кодекс строителя коммунизма», который превратился в абстрактный и мертвый текст, предписания которого совершенно не обязательны к исполнению. Бывшие выпускники медресе или Института при САДУМ в действительности очень смутно помнили об этом и подобных документах и воззваниях, воспринимая их как часть обычной идеологической декорации причудливого здания советского ислама.

У нас есть основания примерно таким же образом оценивать другие документы, касающиеся деятельности медресе САДУМ, поскольку в них в полной мере использовалась особенность «советского отчета» — документа, призванного в большей степени презентовать успехи в конкретном направлении, учреждении и т.д., не исключая формальной самокритики и готовности «исправить допущенные недочеты»⁶⁸. С какого-то момента выдавать желаемое за действительное стало главным правилом советской пропаганды, идеологии и других сфер общественной жизни, выраженным в том числе в бесконечной череде бюрократических отчетов. САДУМ и его подразделения не стали исключением в этой нехитрой и прогнозируемой бюрократической игре, которая всегда давала возможности для манипуляций, выстраивания собственных стратегий, в том числе и в сфере религиозного образования, предоставляя некоторую автономию в решении вопросов обучения.

Это не означает, что САДУМ или его медресе были совершенно свободны от контроля и особенно от влияния советской действительности. По опубликованным работам и имеющимся в нашем распоряжении архивным материалам можно заметить серьез-

67. ЦГА РУз.Р-2456, оп. 1, д. 231, л. 123. Оригинальная стилистика сохранена.

68. Правда, отчеты Уполномоченного УзССР по религиозным культам, направляемые в Москву, в основном содержали критику подконтрольного ему САДУМ или подобных религиозных учреждений других конфессий. Однако и здесь, судя по эволюции переписки, ответственность «за выявленные недостатки» возлагалась на республиканского Уполномоченного и его службу. Как результат, со временем формы критики смягчились и приобрели формальный характер, напоминая обычную деловую переписку с испрашиванием разрешения на определенные мероприятия, действия и т.п.

ную трансформацию учебных программ, собственно учебников, изменения в составе преподавателей, но не столько под давлением властей, сколько как очевидный результат влияния советской образовательной системы. Такие же перемены наблюдаются во внутреннем распорядке медресе. Весь этот материал сохранился в переписке, инструкциях, отчетах, постановлениях, правилах внутреннего распорядка медресе и САДУМ. Однако, как это часто бывает, сохранившиеся инструкции, расписания распорядка дня и т.п. часто оставались на бумаге и не всегда соблюдались. Согласно нашим интервью, как во внутренней жизни медресе и Высшего института, так и в дополнительных занятиях и интеллектуальных интересах учащихся всегда наблюдались те или иные особенности, не зафиксированные в отчетах или деловой переписке.

Наши многочисленные интервью показывают также, что советской идеологии и пропаганде удалось сформировать у новых поколений мусульман смешанную идентичность, в которой самоощущение в качестве советского гражданина вполне комфортно уживалось с мусульманской или, скажем, национальной идентичностями. Особенно ясно это проявлялось в зарубежных стажировках выпускников медресе и Исламского института. Звание и статус советского гражданина не вызывали у них негативных ощущений, равно как и словосочетание «советский мусульманин» не выглядело идеологическим или политическим нонсенсом.

ЛИТЕРАТУРА:

Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), фонд Р-2456. Уполномоченный Совета по делам религиозных конфессий (позже — «... по делам религий») при Совете Министров СССР по Узбекской ССР 1944-1990 гг.

Архив Института Востоковедения Академии Наук Республики Узбекистан.

Архив Духовного управления мусульман Узбекистана.

Ахмедова Д.А. (1969). Мы учились по-комсомольски. Ташкент.

Ахмадулин В.А. (2007). *Исламский фактор во внешней политике Союза Советских Социалистических Республик* // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень № 3/ ДУМНО, НИИ имени Х. Фаизханова; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. — Москва — Н. Новгород: Издательский дом «Медина». http://www.idmedina.ru/books/materials/gmforum/3/hist_ahmadullin.htm

Бабаджанов Б. (2006). *Худжра* // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. — М.: Восточная литература. Т. I. С. 428-429.

Бабаджанов Б., Муминов А., Олкотт М.Б. (2004). *Мухаммаджан Хиндустани (1892-1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «Советского ислама» в Средней Азии)* // Восток (Oriens), № 5, с. 43-59.

Йўлдашхўжаев Х., Каюмова И. (2015). *Ўзбекистон уламолари*. Тошкент: Маънавият.

Одинцов М.И. (2005). Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., с. 246-249.

Смирнова Н.Д. (2003). *История Албании в XX веке*. Москва: Наука. С. 297.

Гафуров У. (2002). *Тошкент ислом институти: Бароқхондан Имом Бухорийгача* // Тошкент Ислам Университети илмий таҳлилий ахборотномаси, № 1, с. 8-13.

Бобохонов Ш. (2001). *Шайх Зийбуддин ибн Эшон Бобохон (Маънавият ва ибрат мактаби)*. Тошкент, с. 44.